

Анна
Владимирова

МАША VS МЕДВЕДЬ

18+

Анна Владимировна

Маша против медведя

<https://litres.ru/74190492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Да, это — я, Мария Петровна Подольская, сорок два года, фельдшер скорой помощи. И моя жизнь рухнула. В моей ванной — чужие женские трусы, а в машине — недельный запас продуктов и пять енотов из контактного антикафе, которых я вызвалась спасти. И теперь я в каком-то незнакомом поселке у ворот чужого дома держусь за руль своей машины и громко рыдаю над судьбой. Как я докатилась до жизни такой?.. Я просто не вовремя пришла домой с ночного дежурства. И теперь у меня нет собственного дома, нет работы и нет мужа. Зато есть странный сосед, который шикарно выглядит, но ненавидит всех, кто нарушает его одиночество. Ну и подумаешь! Буду жить тут «тише воды-ниже травы», только а где мои еноты?!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	31
Глава 3	51
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анна Владимирова

Маша против медведя

Пролог

Маша VS Медведь

— Вот ваш чудесный домик. — И риелторша кивнула мне на входные двери. — Все, как вы просили. Тихо и далеко от остальных домов поселка.

— Тут свет есть вообще? — хмуро поинтересовался я.

Девушка шагнула через порог, пошарила по стенке и продемонстрировала мне освещенный коридор. Ее натянутая улыбка потеряла в яркости еще в начале нашего знакомства, когда она осознала, что именно я ищу. А сейчас вообще не понятно, на чем держалась. Когда она попыталась сделать шаг назад, провалилась каблуком в щель между деревянных досок, из которых было сколочено крыльцо, и едва не рухнула, но я ее поймал и поставил на ноги. Только... слишком быстро, наверное. Потому что она осталась стоять с широко

раскрытыми глазами, пытаюсь осознать, что случилось.

— А это что? — кивнул я на соседний дом за забором, чтобы отвлечь ее внимание.

— Ой, я все выяснила, — оживилась она. — Тут не живут хозяева. Вернее, они уже вообще не живут. Дочь только осталась, Александра. Она приезжает раз в сезон привести все в порядок. Поэтому не переживайте, ничто вас здесь не потревожит.

Я хмуро огляделся. Мда... Наверное, переборщил я с требованиями. Риелторша поняла мое «максимальное захоlustь» сильно буквально. Сюда даже дорога шла изрядно раздолбанная грунтовая. По ночи если будут вызовы, я заколебуюсь выбиратья...

— Ладно, давайте посмотрим...

И я уже собрался шагнуть через порог, как послышался звук приближавшейся машины. Риелторша насторожилась:

— Что такое?

— Едет кто-то, кажется, — недовольно констатировал я.

Жить среди людей не самое простое занятие. Особенно, когда всю свою жизнь не заботился о том, чтобы быть на них похожим.

Через пару минут из вечернего полумрака показалась небольшая машинка, прочавкала по лужам и остановилась у того самого дома, в котором никто не живет. Я красноречиво глянул на риелторшу.

— Наверняка, это тот самый день, когда Александра приезжает навести порядок? — пропищала она.

Тут в машине кто-то, видимо, не рассчитала расстояние до забора и, газанув, звучно рихтанул его бампером.

— Ну да, — протянул я, потеряв всякую надежду сохранить доброжелательный настрой, и прислушался.

Сначала думал, показалось. Но, нет. В машине действительно кто-то ревел навзрыд.

Да, это — я, Мария Петровна Подольская, сорок два года, фельдшер скорой помощи. В моей машине — недельный запас продуктов... и четыре енота из контактного кафе, кото-

рых я вызвалась спасти. Сама машина находится черт те где перед воротами какого-то дома в неизвестном мне поселке. А я держусь за руль своей машины и громко рыдаю.

Как я докатилась до жизни такой?..

Дай те-ка вспомнить...

Ах, да! Я просто пришла домой с ночного дежурства...

Глава 1

За день до.

...Это очень странное чувство — найти в ванной чьи-то кружевные трусы. Не свои. Именно, что чьи-то. Я подумала, что меня глючит после ночного дежурства. Ноги задрожали, и я уселась на бортик ванной и уставилась на находку. Их повесили на дверцу стиральной машинки. Внаглую. Оставили мне сообщение, мол, пока тебя нет, есть я и мои трусы.

Затошнило. Затопило брезгливостью и отвращением. Захотелось вызвать службу клининга и дезинсекции одновременно. Но, вместо этого, я поднялась, обошла стиралку по дуге и направилась в спальню. Юра еще на работе. А это значит, что есть шанс просто исчезнуть без разговора о чужих трусах на стиралке.

Ну, а о чем тут говорить? О том, чьи трусы? Зачем мне это знать?

Я достала чемодан, едва не рухнув с ним с табуретки, и набрала подругу:

— Саша, Саш... Ты меня слышишь? — на заднем фоне стояли крики поваров, значит, Сашка на работе в кафе. — Мне можно у тебя переночевать?

— Конечно, когда будешь?

— Ты даже не спросишь ничего? — выдохнула я, чувствуя ком в горле.

— Потом спрошу, а сейчас у меня полная жопа, Маш. Приезжай ко мне на работу за ключами от квартиры. Заодно и ужином накормлю. И расскажешь все.

— Хорошо, — просипела я.

— Ма-аш? — обеспокоилась все таки Сашка.

— Потом расскажу, — выдавила я.

— Ладно. Езжай аккуратно. Только попробуй мне убить-ся, поняла?! Выживи всем врагам назло!

— Ты умеешь вдохновлять...

Я собралась довольно шустро, обнаружив, что все мои вещи поместились в один чемодан. А ведь это тоже был знак. У

Юрки шкаф забит костюмами и рубашками, галстуков целая выставка. А у меня — две полки всего. Потому что хожу я только на работу, а после нее сил не остается. Ну и леший с ним! Зато второй раз возвращаться не нужно.

Задержавшись в ванной, я подумала немного, сфоткала трусы на стиралке и направилась из квартиры. Уже в лифте я отправила Юре фото и тут же удалила со своего смартфона, брезгливо поморщившись.

Не верилось, что это все происходит со мной...

Как бы ни хотелось об этом думать, но в пробке воспоминания о нашей с Юркой совместной жизни все же побежали перед глазами. Наша любовь с первого курса, свадьба на пятом, коммунальная квартира и новорожденная Юлька... Ей же еще нужно будет как-то все объяснить. А как объяснить все себе? Это я от усталости шустрая такая и решительная, а когда посплю, осознаю...

Интересно, а сколько у Юрки это все тянется? То, что тянется какое-то время, я даже не сомневалась. Может, и не одна она у него. А, может, это нормально? У нас же и нет уже ничего, да? Я работаю сутками, он — тоже. Только у него есть перерыв на чужие трусы, а у меня нету. Нет, к этому все шло. А, может, он сам мне подал знак? Нам ведь некогда

даже поговорить...

За последние три года я так вымоталась выплачивать ипотеку, что у меня уже звездочки перед глазами плясали. Сегодня, наконец, вышла в отпуск на пару недель... и... так жалко себя стало... и я начала реветь. Навзрыд...

Мобилка ожила входящим от Юрки.

— Але, — прохрипела я.

— Маш, что это за фото?

— Это чьи-то трусы у нас в ванной...

— Маш, ты что, плачешь?

— Нет. Я просто собрала вещи и уехала.

— Перестань, а... Куда ты уехала?

— Юр, это больше просто не твое дело. Давай... не надо, ладно? Дуру из меня делать, объяснять. Тошно. На развод подам позже. Выплюсь сначала. И выпью. Или наоборот. Короче, позвоню. Пока.

И я отбила звонок.

Дождь еще этот...

Но до Сашки я доехала без приключений.

У подруги было контактное антикафе. И оно пользовалось бешеным успехом. Семейные посиделки с детьми и возможность пообщаться с живыми ручными енотами — отличная идея. Трогать руками их было нельзя, но, если еноты благоволили, то залазили на руки сами, и это приводило посетителей в восторг. Большая часть прибыли от кафе шла на помощь реабилитационному центру для животных в Подмосковье. Остальная — на развитие бизнеса. Но Сашка была удачно замужем, концы с концами за нее сводил муж.

— Так. Что случилось? — тревожно всмотрелась она в мое лицо, стоило мне нарисоваться в кухне. — Давай хоть кофе?

— Давай потом, а то у тебя жопа... — вяло запротестовала я, когда Сашка зажала меня в углу.

— Маш, не буди во мне зверя...

Тут мимо нас протрусил деловой толстый енот Пакля с печенькой в зубах — один из пятерых, которые трудились в главном зале не покладая лап.

— Что у Пакли в зубах?! — возопила Сашка на всю кухню.

Послышалась цензурная ругань.

— Вот же собачий сын! — выскочил повар из-за угла и, сузив глаза на упитанном неторопливом воришке, соорудил недовольное лицо. — Это «разрешенка», Александра. Мы же сами пекли утром. Это его печенье...

— А, ладно, — ничуть не смутилась Сашка и невозмутимо вернулась к моему допросу: — Так что у тебя?

— У меня — трусы, — сдавленно сообщила я. — Чужие. Женские. На стиральной машинке. Пришла домой со смены, а они — висят.

— Вот же скунс драный! — выругалась Сашка. За годы работы в семейных кафе она отучилась ругаться матом, как и весь ее персонал. И я брала с нее пример. — Проходи за наш столик.

Я направилась в главный зал, глядя под ноги. И не зря. Посетителей было уже мало, поэтому еноты бросились ко мне.

— Ну, привет, пушистики, — улыбнулась я, присаживаясь к ним на пол и принимаясь чесать енотов за ушами. — Моцарт, ты похудел, кажется? Пакля, привет, малыш... Хомутик, зайка... Марк...

Братва обступила меня, с интересом обнюхивая мои руки.

— Что, сегодня мало было посетителей? — обернулась я на Сашку, когда она прошла мимо с двумя чашками кофе. — Батоны наши какие-то голодные...

— Ой, да у меня жопа с ними как раз связана, — устало выдохнула она, опускаясь на стул. Половина банды направилась к ней, а Моцарт сразу залез к Сашке на колени. — Их пытаются отобрать...

— Что?! — округлила я глаза. — Как так-то?

— Новые законы, — вздохнула Сашка. — Типа, мы мучаем бедных зверюшек...

— Что за бред? Вы же забрали их из ужасных условий! Каждого выходили!

— Этого никому не докажешь. Зато я знаю, куда их поместят, когда отберут. Уже проходили через это...

— Куда?.. — опасливо спросила я.

— На притравочную станцию какую-нибудь...

— Не может быть! — шокировано округлила я глаза. — Как так?

— А девать их некуда государству. Главное — один закон изымает, а другой помещает на живодерню...

— Саш, мы их не отдадим, — решительно заявила я.

— Конечно, не отдадим. Как я могу отдать их? Но я так устала... — Она растеклась по креслу, рассеяно начесывая Моцарта за ушами. — Мы пишем везде. Сегодня пресса приходила, поднимаем волну... Рассказывали про каждую морду...

«Морды» окружили наш столик, будто чувствуя, что говорят о них. Я затащила к себе на колени Кико и обняла его. Он из всей банды был самым ласковым и ручным. Но сегодня и он не изъясил желания почесать пузо, поерзал и спрыгнул

на пол.

— Нервничают. Они чувствуют все, — удрученно вздохнула Сашка.

— Бедняги...

— Так, а ты что же думаешь? Что делать будешь?

— Собрала чемодан... — пожала я плечами. — Пока не думала.

— Ладно, езжай тогда домой ко мне, отдыхай. — Сашка протянула мне ключи. — Ложись в моей спальне, чтобы я тебя не разбудила, когда вернусь. Полотенца в ванной в шкафу. И достань курицу на завтра разморозить.

— Хорошо. Спасибо.

Мысли о енотах и Сашке вылетели из головы, когда я вернулась за руль. А дальше-то что? Снимать квартиру? Черт, у меня нет на это денег. А почему я должна снимать? Пусть Юрка убирается из квартиры. Это же он изменяет, а не я...

В этих мыслях я доплелась до дома Сашки, припарковала машину и уже щелкнула сигналкой, когда ручку чемодана

перехватили.

— Так и знал, что ты тут, — хмуро заявил Юра. — Почему не отвечаешь?

Я вылупилась на него, чувствуя, как спирает дыхание и колотится сердце.

— Напугал! — просипела я.

— Поехали домой, — сурово потребовал Юра. — Маш, у меня сегодня три операции было...

— Перестань! — повысила я голос насколько могла. — Прекрати делать вид, что ничего не произошло!

Мы застыли друг напротив друга. Юра хмурился и сжимал ручку моего чемодана. А я смотрела на него и думала всякие глупости. Типа, какой же он у меня красивый, блин! Так и хочется послушаться его!

В отличие от меня, Юра работал в коммерческой клинике главным хирургом лор-отделения. Выглядел, конечно, с иголки — костюм, туфли... Мне даже стало как-то не по себе от той разницы, что вдруг так явно обнаружилась между нами. Мда, надо было чаще встречаться.

— Маш, прости, — сурово хмурился он, вглядываясь в мое лицо. — Я не знаю, что еще тебе сказать. Мне жаль, что так вышло. Я не должен был причинять тебе боль...

— Юр, я устала, — прошептала я. — Пусти. Отдай чемодан.

— Не уходи, — настаивал он. — Давай поедem домой...

— Нет, туда я не поеду. Там теперь ты и эти трусы...

Я забрала у него чемодан и отступила.

— Собери свои вещи, пожалуйста, как можно быстрее, — добавила я сипло, — лучше, если завтра...

— И куда я должен, по-твоему, их собрать? — с неожиданной злостью потребовал он. Черты его лица напряглись, застыли. — И на каком основании?

Я судорожно вздохнула, холодея внутри. Вот, значит, как...

— Предлагаешь съехать мне? — хрипло поинтересова-

лась я.

— Ты уже съехала, — кивнул он на чемодан. — Хочешь домой? Придется жить со мной. Я никуда не съеду. У меня нет проблем с чьими-то трусами. И развода я тебе не дам. У всех бывают сложности, Маша. А ты сразу голову в песок и бежать со всех ног! Как это на тебе похоже! Лишь бы не решать ничего!

— Ты сам не пришел ничего решать! — взвилась я, подсакивая к нему и толкая в грудь. — Поступил, как тебе проще! А я виновата, что не хочу это разгрести?!

— Я не съеду, — холодно отрезал он. — Развода не дам.

— И где мне жить? — процедила я, дрожа.

— Дома!

Я развернулась и зашагала к подъезду, чтобы не показывать Юре свое раскрасневшееся лицо. Я всегда краснела, когда испытывала сильные эмоции, и сейчас щеки горели, когда я открывала двери и втаскивала внутрь чемодан...

Хрен тебе, а не дома!

Я не вернусь!

И я хлопнула дверью подъезда.

Я был рад видеть друга. Матвей нашел время увидаться несмотря на свой плотный график операций, и теперь мы сидели в его кабинете, угощаясь благородным напитком превосходного качества. Друг выглядел отлично. Лет на сто моложе меня, хотя когда-то мы с ним были ровесниками. Гладко выбритый, стильный, глаза такие... полные жизни, наверное. Там, откуда я вернулся, такого не встретишь.

— Рад за тебя, — искренне признался я. — Отлично смотришься и в этом кабинете, и вообще хорошо выглядишь.

Кабинет у него красивый. Я вежливо огляделся, добавил взгляду искры, а морде — характерного перекоса, который в нормальной жизни называют улыбкой.

— А я рад, что ты, наконец, даешь себе отпуск, дружище, — улыбнулся Матвей, устало откидываясь на свое кресло.

Но после этой фразы мои попытки казаться нормальным провалились.

— Меня заставили его себе дать, — ответил я недовольно и перевел взгляд в окно. — Либо за решетку, либо... в отпуск. Исправительно-терапевтический...

— Ну, а как еще было тебя уговорить перестать себя разрушать? — мягко заметил он и подался вперед. — Слушай, это твое дело, но... ты ведь не пробовал жить нормально. Всю жизнь оперируешь в горячих точках, как проклятый, вечно на острие, на грани, в чудовищных условиях... Не удивительно, что любым ресурсам приходит конец.

— Кто, если не я? — выдал я дежурную фразу, которая должна была все объяснить. Ну, мне так казалось. — У таких, как я, есть все, чтобы выживать там, где не выживают люди. Копошиться тут в бюджетных больницах или, того хуже, в частных клиниках — не мое... — Я поморщился, спохватываясь, что вообще-то и сам сижу в клинике у главного хирурга в кабинете. — Прости, я не имею ввиду, что твоя работа хуже, или что ты — хуже меня, потому что не оборотень...

— Миш, я знаю, что ты имеешь ввиду, — мягко улыбнулся Матвей. — Но ты должен попробовать другую жизнь. Дай себе шанс.

— Теперь — да, у меня нет иного выбора, — недовольно согласился я.

Матвей вздохнул.

— Какие условия поставили?

— Психотерапия, мирная практика полгода, — послушно принялся перечислять я. — Место скоро предоставят. Никаких срывов и всяческого им подтверждения — тем более. То есть, я не должен кого-то убить, побить или даже угрожать сделать что-то подобное. Иначе второго шанса не будет, и я отправлюсь за решетку. Но, если все гладко и сдам тесты — вернут мне лицензию военного хирурга.

Матвей задумчиво тер подбородок.

— Мне бы хотелось предложить тебе место...

— Нет, дружище, — усмехнулся я, — не нужно...

— Мне было бы спокойней, если бы ты был под присмотром...

— Те, кому придется выживать под моим чутким присмотром, не должны жить так близко к центру, в который

мне являться с отчетами, — пошутил я.

Он рассмеялся.

— Так, а что предлагают-то?

— Место фельдшера. В каком-нибудь Подмосковном захолустье... Идеально для меня.

— Чтобы волком взвыть.

— К счастью, я — не волк.

— Блин, Миш, ну это как-то мелко для тебя! Ты — талантливейший хирург! Тебе нужно преподавать на кафедре как минимум... — И тут друга, очевидно, осенило. — Слушай!.. А я могу это устроить!

— Нет, — заранее отказался я, видя его загоревшийся взгляд.

— Я могу договориться, — Матвей аж привстал в кресле, — лекции на кафедре хирургии! Да тебя с руками оторвут!

— Нет, Матвей, — уперся я.

— Это даст тебе больше очков для восстановления лицензии! — привел он контраргумент и попал в цель. — Тебе дадут рекомендации профессора кафедры, и, может, даже срок сократят...

— Ты правда хочешь, чтобы я быстрее уехал? — усмехнулся я.

— Конечно, нет. Я надеюсь, что тебе понравится, и ты останешься тут. Увидишь, как ценен твой опыт, как ты здесь нужен. Кроме того, кто, если не ты, будет готовить новое поколение?

— Я убил человека, — напомнил я глухо. — Меня с таким послушным не возьмут.

— Это сложный вопрос, — парировал друг, — если бы все было так просто, тебя бы не отправили отдыхать и приводить нервы в порядок. И ты — не убийца. Ты просто сорвался. А тот человек этого заслуживал. Я видел отчет. Я знаю обстоятельства.

Меня немного покорило это признание Матвея. Зачем ему эти обстоятельства? Думал, хочет ли меня знать после того, что я сделал? Или просто раздумывал, чем помочь? Нет, это у меня проблемы, не у Матвея... Я одичал.

— И тем не менее, — возразил я, — для кого это будет иметь значение?

— Для меня. Это имеет значение для меня. И мое предложение в силе. Подумай. Никто тебе не откажет, если согласишься.

Заманчиво. Получить рекомендации с кафедры было бы действительно полезно. Да и вообще, это интересно — передать накопленный опыт. Я бы попробовал, наверное. Да, пожалуй, мне бы даже этого хотелось. Учить молодое поколение работать в совершенно иных условиях кто-то и правда должен. Я ведь сам регулярно сталкиваюсь с некомпетентностью медперсонала в иных условиях.

— Миш?

— Быть может, — уклончиво отозвался я. — Устроюсь сначала, посмотрю, что там мне дали на отработку...

— Договорились, — просиял Матвей. — Недели тебе на обустройство хватит?

— Наверное...

— Тогда не теряйся. Я тебе потеряться не позволю, понял? Ты — просто находка! Да тебя с руками и ногами оторвут!

Я криво улыбнулся:

— Ладно. Почему бы и нет?

— Вот это правильно, — горячо поощрил он.

Когда мы распрощались, я вышел из здания клиники и вздохнул полной грудью. Нет, запах города был лучше того, чем я дышал в военном госпитале... Но слишком тут шумно. Или тихо? Не нравилось мне, в общем. Не мое это. Бесмысленная какая-то суета...

Я поморщился и направился к мотоциклу. Поселок, в который меня определили, находился в полутора часах езды на мотоцикле. Я думал, что как раз успеваю на встречу с риэлтором, когда увидел у мотоцикла какую-то юную особу. Она с интересом рассматривала мотоцикл, то и дело оглядываясь, будто хочет его спереть. Но, присмотревшись, я заключил, что на угонщицу байков она не тянет. Молодая, ноги от ушей, оголенные напоказ, грудь под курткой в обтяжку и пахнет приторно с примесью алкоголя. Нет, не пьяная, скорее с привычной дозой расслабляющего в крови. Я едва не

оскалился. И кого она ловит у моего мотоцикла?

— Могу чем-то помочь? — поинтересовался я холодно.

Она резко обернулась и улыбнулась:

— Так вот вы какой — владелец шикарного мотоцикла, — с энтузиазмом принялась щебетать она. — Мне очень хотелось посмотреть...

Я же нахмурился еще больше.

— Посмотрели? — И я смерил ее взглядом. Обычно такой мой взгляд там, откуда меня сюда за несло, никто не выдерживал. Все знали, что ничего хорошего не последует, если я так смотрю. Девчонка тоже струхнула. Выражение ее лица потеряло в самоуверенности, взгляд дрогнул:

— Простите, просто ваш мотоцикл выделяется. Думала, что вы тоже должны.

— Я никому ничего не должен, — недовольно буркнул. — Еще что-нибудь?

— А мне сейчас нужен кто-то незаурядный, — не сдавалась она. — И мотоцикл у вас очень классный, хоть я в них

и не разбираюсь.

— Спасибо. Всего хорошего, — и я завел двигатель.

— Жаль, что вы такой злой, — повысила она голос, чтобы я ее слышал. — Зря. Я сегодня впервые решила познакомиться первой...

— Можете забыть об этом инциденте и обнулить счетчик, — посоветовал я равнодушно и отвернулся, натягивая перчатки.

— Что же так? — улыбнулась она так, будто все пошло по плану. — Вы мне, кстати, очень нравитесь.

— Почему это?

— Ну, взрослый мужчина, красивый, brutальный, на мотоцикле. Вы явно знаете, чего хотите от жизни. А таких сейчас очень сложно найти...

Я заглушил двигатель, чтобы она перестала кричать.

— Зачем тебе взрослый мужчина? — сузил я на ней глаза.
— Тебе лет сколько?

— Двадцать четыре, — улыбнулась она увереннее, — меня Даша зовут, а вас?

— А мне почти пятьдесят.

— Очень круто выглядите для своего возраста, — восхищенно выдохнула она. — Я бы с вами закрутила роман.

— А ровесники уже все вымерли? — усмехнулся я.

— Что мне делать с ровесниками? — пожала она плечами. — Они же сейчас ни черта не хотят от жизни, не стремятся ни к чему и боятся любой ответственности. Нет, Незнакомец-на-байке, за вами будет настоящая охота. Был бы у меня сейчас какой-нибудь транквилизатор в пистолете, я бы уже выстрелила...

— Охота, значит, — оскалился я и снова завел двигатель. — Похоже, пока меня не было, мир совсем сошел с ума. Хорошего вечера.

— Пока... — слышалось позади.

Я неприязненно поморщился. Людей здесь через одного нужно упаковывать в психиатрию. Эта мирная жизнь была слишком сложной не только для меня, но и для них самих.

Какие они тут все цели преследуют? Рехнуться можно их понимать...

Весь в мрачных мыслях я летел по дорогам между машинами, поглядывая на навигатор. За рулем меня отпускало. Тяжесть в груди исчезала, и я мог какое-то время дышать полной грудью, забыв обо все пережитом, и дать себе настоящую передышку... Жаль, что ехать было недалеко. Я бы сейчас скорее крутанул ручку газа и улетел по трассе в точку на горизонте. Вот это была бы терапия. Но пришлось свернуть с трассы и углубиться в лес по добротной асфальтированной дороге...

Глава 2

— Что?!

Я подскочила на кровати от резкого вскрика Сашки и села, сонно жмурясь. Голова отозвалась неприятным гулом, как и всегда, когда я давала волю чувствам, Саше и ее ликерам. Мы до глубокой ночи сидели на кухне и обсуждали то ее «жопу», то мои «трусы». Что одно, что второе с трудом поддавалось принятию. Нас обеих бесило и трясло от несправедливости. Ни я, ни Сашка не заслуживали эти атрибуты. Решено было, что я пока поживу у нее несколько дней, чтобы разобраться со всем бардаком в своей жизни. И ей заодно снова помочь. Муж Саши как раз был в командировке, поэтому ничто бы не мешало нашим грандиозным планам по самоуничтожению на ближайшие вечера. Вернее, ничто этого не предвещало...

— Кто сказал?! Когда?! — продолжала требовать Саша за дверью комнаты. — Вашу ж маму! Я выезжаю!

Я быстро сползла с дивана и принялась натягивать спор-

ТИВНЫЙ КОСТЮМ.

— Саш, что случилось? — повысила я голос еще из спальни, а когда выбежала в гостиную, застала взъерошенную подругу за лихорадочными сборами.

— В кафе нагрянула какая-то инспекция, — тяжело дышала она, — грозятся изъятием животных! Нужно лететь туда пулей!

— Я с тобой!

Сашка только кивнула, а я бросилась в ванную наскоро приводить себя в порядок. Уже через десять минут мы сидели в машине.

— Саш, спокойно, мы никому не отдадим наших пушистиков, — увещевала я.

— Не отдадим, — сжимала руль подруга, — я скорее за душу этих людей, чем позволю им дотронуться до моих малышей!

Еще бы! Саша лично выхаживала каждого енота, оплачивала им дорогую реабилитацию, лечение и занималась восстановлением доверия животных к людям. И я старалась

быть всегда рядом в любую свободную минуту. Это было очень непросто, но, когда заработало ее кафе, мы не могли нарадоваться, что задумка осуществилась. Нам удалось познакомить людей с енотами и другими животными, пережившими столкновение с людьми, привлечь внимание общественности к их проблеме и... И теперь кто-то собрался это все разрушить! Тут же подумалось, что мы давно с Юрой не проводили времени вдвоем. Я же и правда постоянно где-то в делах...

— Спокойно, Саш, — выдавила я хрипло. — В крайнем случае их можно спрятать, пока все не уладится.

— Они не идут ни к кому, — качала головой Саша, тревожно глядя на дорогу. — Будут нервничать. Мы ведь с тобой сами их выхаживали...

— Ну, значит, я их и выкраду. Что мне терять? — заявила я, удостоившись долгого напряженного взгляда подруги на светофоре.

— А это выход, — заключила она и надавила на педаль газа. — У меня за городом есть дом. Там раньше родители жили. Поселок Разухабистый, часа два от Москвы...

Я прыснула.

— Разухабистый? Ну и название...

— Да, то еще, — усмехнулась Сашка. — Но там хорошо. Он как респектабельный дом для престарелой элиты. Дома там дорогие, дороги отличные, продуманная инфраструктура... Тебе там понравится. Правда, к дому родителей идет грунтовка, потому что в том конце поселка у стариков не было толковых наследников, которые бы проложили туда асфальт.

И Сашка горько усмехнулась. С родителями она общалась мало, и это оставило большую дыру в ее сердце. Я-то знала...

— Но сам дом хороший, — продолжала она. — Я бываю там раз в месяц, привожу все в порядок... — Я красноречиво на нее посмотрела, и она бросила на меня быстрый взгляд. — Ну, да, рыдаю там временами. Почти каждый раз. Мне нравится там плакать. Там никто не увидит, не будет теребить, мешать, лезть... терпеть этого не могу! — И это точно. Лезть Сашке в душу, как в пасть к тигру — бессмысленно и опасно. — А там ни одного соседа нет. Все дома пустуют.

Она помолчала немного.

— Мы спрячем там енотов, пока это все не утихнет. Нас

просто выбрали для прилюдной порки! Мы — самое известное антикафе в городе с енотами! Пока я подниму волну массового негодования, Хомут, Пакля, Мартиша, Моцарт и Кико исчезнут на какой-нибудь притравочной станции навсегда! Мне от одной мысли становится дурно!

Я тяжело сглотнула.

— Поднажми.

В кафе вышло пробраться только с черного входа, где нас уже ждал управляющий.

— Уже час стоят, ждут, когда откроем, — сообщил он хмуро, кивая на фасад. Перед входом в кафе действительно стояло две машины спецслужб. Вокруг со скучающим видом ходило трое человек в спецформе. — Но люди там нормальные. Я пообщался.

— Вот как? — насторожилась Сашка. И я вместе с ней.
— Сколько они дают нам времени?

— Еще полтора часа. Предлагают вывезти животных в заповедник...

— Совсем дебилы?! — взвилась Сашка шепотом. — Они

же ручные! Какой заповедник?!

— Ну, других вариантов у них нет. Хоть не взламывают, и то спасибо.

— Права не имеют, — возразила Саша. — Поэтому без «спасибо» обойдемся!

— Я подумал, что, может, раздать пока что животных персоналу?

— Долго. Пока будем искать передержку, их отберут, — отрезала Сашка. — Нет. Грузим малышей в мою машину. Сколько у нас переносок?

С переносками оказалась беда. Еноты были не единственными животными в кафе. Управляющий вызвался забрать к себе пару сурикатов, Сашка загрузила в переноску бурундуков. На енотов осталось три собачьих переноски, и как на зло — ни одного зоомагазина поблизости. Да и слишком рано...

— Всем сидеть! — скомандовала Сашка енотам, когда мы расселись в машине.

Я взяла на руки Мартишу и прижала к боку Кико. Хомут затаился под креслом, а Моцарт и Пакля затихли в перенос-

ках.

— Они уже два года никуда не выезжали, — беспокоилась Оксана, — даже ветеринары приезжали к нам сами...

— Еноты — одни из самых адаптивных существ, — успокаивала я подругу, — когда они обнаружат себя на свежем воздухе, то позабудут все передраги.

— Кстати, там забор на участке нужно будет проверить, — перебила она возбужденно, — но он должен быть глухим. Вообще, еноты никуда не сбегут. Но встрять могут. Хорошо, что там не живет никто в округе.

— Справлюсь, — обещала я, осознавая, что мне привалил на редкость забористый геморрой. Но, где наша не пропадала? Да и это отличный способ отвлечься от дерьма в собственной жизни. Все равно я ничего не могу с этим поделать...

— Маш, мы совсем забыли про тебя и твою проблему, — спохватилась Сашка, поглядывая на меня виновато.

— Мы ее вчера вдоль и поперек обсудили, — напомнила я.

— Ты только не забудь позвонить моему адвокату.

— Хорошо-хорошо. Давай сначала уладим то, с чем мы можем и должны что-то сделать сейчас. Мой брак уже рухнул, а пушистики в беде...

— Мое кафе, похоже, тоже рухнуло. Но, главное — это благополучие животных.

— Все поправимо.

За следующие два часа мы собрали все необходимое — провиант, лекарства, игрушки для енотов. Сашка порывалась поехать со мной, но я отговаривала и протестовала. Ее мобильный обрывался, проблемы росли, как снежный ком, и ей нужно было остаться здесь.

— Я справлюсь, я же врач! — обнадеживала ее я, перебирая пакеты в коридоре ее квартиры и приглядывая за разбродом и шатаниями енотов. — Они меня знают и слушают. Пакля! — Толстяк высунул нос из пакета и обратился ко мне свои виноватые глаза. — Блин, полезай уже в переноску... И печеньку возьми.

Пакля засунул печенье себе в рот и не спеша побрел между переносками, дразня товарищей добычей. Только Моцарт

такое поведение дружбана не потерпел и ловко выудил у Пакли печеньку, быстро втянув ее в свою переноску. Пакля ринулся на прутья, и началась возня с порывками и громкими возмущениями. Я же шумно втянула воздух, глядя на этот бедлам.

— Я справлюсь, — пообещала я себе в полголоса. — Это же не навсегда. Пересидеть недельку-другую...

— Что они там делают? — высунулась Сашка из кухни.

— Занимают места согласно купленным билетам.

Подруга прыснула. Я же напряженно вздохнула, раздала всем печеньки и рассадила оставшихся енотов по переноскам.

— Маш, кофе! — позвала Саша, а когда я явилась в кухню, начала инструктаж: — В доме будь как дома. Там все есть. Я всегда остаюсь там с ночевкой, и у меня там полный комплект для вечера задолбавшейся в край бизнес-леди — продукты, шампанское, косметика для ванной... Бери все, что тебе понадобится. Я подъеду, как только разгребусь здесь с проблемой.

— Хорошо.

— Параллельно кидай мне список, чего тебе будет не хватать — я все подвезу.

— Ладно. Но, вообще-то, я очень удачно ушла из дома, — улыбнулась я.

Сашка в порыве обняла меня:

— Спасибо, Маш. Я бы никому этого не смогла доверить.

— Все хорошо, — улыбнулась я. — Давай адрес...

И вот я здесь.

По адресу.

Реву навзрыд как полная дура.

Еноты уже нервничали в своих переносках, тревожно порыкивая. Но не все. Судя по хрусту, кто-то все же дотянулся до упавшего от удара о забор пакета. Черт, хорошо, что тут по близости нет никого...

И тут в стекло вдруг постучали.

А я заорала.

Когда двери дернули, и они открылись, я шарахнулась в сторону пассажирского сиденья, но тут в проеме показался мужчина:

— Вам нужна помощь?

Я замерла, вылупившись на него и пытаюсь сообразить, что мне делать. На бомжа незнакомец не похож. Далеко не бомж! Скорее, известный турецкий актер. Точно. Одет прилично, пострижен стильно, даже короткая щетина в привлекательном беспорядке. Ну просто суперзвезда! И взгляд. Суровый, режущий, решительный. Будто я не в забор въехала, а в его новенькую тачку. Кажется, что большинство кассовых турецких сериалов так и начинаются.

— А вы кто? — выдохнула я сипло и шмыгнула носом.

— По всей видимости, ваш сосед, — с непонятной обреченностью в голосе сообщил он. — Вы Александра?

— Нет, я — Мария, ее подруга. — Я заерзала в кресле, и

незнакомец вдруг протянул мне руку.

Ничего не оставалось, как схватиться за нее. Когда он поставил меня на ноги рядом с машиной, я поспешно вытерла слезы и глупо улыбнулась.

— Я решил, что у вас что-то стряслось, — серьезно объяснил он, не замечая моих попыток продолжить играть в турецком сериале.

— Нет, не беспокойтесь, — залепетала я, глядя на него снизу. — Случилось, вообще-то, но...

— Так вам нужна помощь? — раздраженно перебил он.

— Нет, — пришла я в себя и обернулась к машине, обзавая себя дурой.

— А вы надолго сюда? — неожиданно поинтересовался он.

— А в чем дело? — насторожилась я, оборачиваясь.

— Просто я купил дом по соседству, и меня заверили, что здесь никто не живет. А тут вдруг вы...

— Ах, вот как, — усмехнулась я презрительно. Стало обидно. — Я ненадолго. Отпуск у меня. Подруга отдала мне свой домик в глуши, чтобы я отдохнула от всяких козлов мужского пола. А тут — вы.

Я попереминалась с ноги на ногу под его темнеющим взглядом, думая, что не стоило мне так отвечать. Мало ли, и я сейчас ближе к хоррору, чем к турецкому сериалу?

— Хорошо, что ненадолго, — недовольно отозвался он, при этом продолжая на меня смотреть с каким-то странным любопытством.

— Я тоже рада знакомству, — съязвила я снова.

И этот гад вдруг обворожительно улыбнулся:

— Взаимно. Всего хорошего.

А меня прямо ошпарило негодованием.

— Пожалуй, мне все же нужна помощь, — бросила ему в спину, когда он отвернулся. — Это я от волнения... не подумала.

— Нам с вами очень повезло, что вы, наконец, начали ду-

мать, — оскалился он, оборачиваясь.

— Ну еще бы! — не сдавалась я. — Кто-то из нас двоих должен.

Мы замерли взглядами друг на друге. Сволочь какое-то время кривил уголки губ в усмешке, а я ждала.

— Так с чем помочь? — напомнил он.

— А! Переноски с енотами отнести к дому, пожалуйста, если не сложно. Их пять, а они очень много весят... Один Пакля пятнадцать килограмм, а Моцарт — восемнадцать...

— Мне не сложно, — благосклонно кивнул сосед и, открыв задние двери, вытащил две переноски на улицу.

— Осторожно, прошу вас, они пережили сильный стресс, — бросила я взгляд на мужчину и полезла в сумочку за ключами. — Вы не представились.

— Михаил, — терпеливо отозвался он, ожидая с переносками.

Держал их при этом так легко по одной в каждой руке, что я невероятно впечатлилась. Мы с Сашкой перетаскивали

этих увесистых жирдяев по одному за раз, и то у меня спина болела до сих пор.

— Мне Саша обещала, что тут никто не живет поблизо-
сти, и мы с енотами сможем устраивать шумные вечеринки,
— попыталась пошутить я.

Но Михаил не разделил моего веселья, все также ожидая,
пока я закончу рыться в сумке.

— Нашла, — продемонстрировала я ему ключи и напра-
вилась к калитке.

За забором показался небольшой, но очень уютный двор.
Немного яркого зеленого газона по периметру и отсыпанная
мелким гравием площадка в центре. Сам дом был одноэтаж-
ный, но не маленький. Отделанные грубым камнем стены
были увиты диким виноградом, который плавно спускался
на большую деревянную веранду с широкими ступенями под
массивной крышей.

— Классно как тут, — выдохнула я.

Позади молчали. И если бы не ворчание енотов, я бы подумала, что Михаил мне привиделся. Когда я обернулась, две переноски уже стояли у меня в ногах, а он направлялся к во-

ротам. Я пожала плечами и открыла входные двери.

— Вау, — улыбнулась, включив свет.

Домик внутри выглядел как мечта любителя сентиментального кино — гостиная с диваном и подушками, вышитыми крестиком, деревянный пол, у окна — большой широкий стол и стулья, у противоположной стены — небольшой кухонный гарнитур. Мило и уютно.

— Осталось найти трех медведей, — усмехнулась я.

— У вас уже есть пять енотов, — послышалось ехидное позади, и рядом встали еще две переноски.

Я усмехнулась и направилась за соседом.

— Спасибо большое за помощь, дальше я сама...

— А я как раз собрался принести кучу пакетов, которыми забит багажник вашего авто под самую крышу, — оглянулся Михаил с усмешкой, — но, как скажете...

— Ладно, если вы не спешите, — смущенно закивала я, — просто не хотела вас задерживать...

— Уже не спешу. К сожалению, я умудрился внести залог за дом...

— Михаил, я вас не потревожу, — примирительно возразила я, глядя, как он извлекает последнюю переноску из салона, — буду тише воды, ниже травы. И это ненадолго, правда. Пока службы контроля не перестанут гоняться за моими енотами...

— Так вы прячетесь тут от служб контроля? — глянул он на меня заинтересовано.

Черт бы подрал мой длинный язык!

— Да, — пискнула я.

— Понятно, — равнодушно заключил Михаил и обошел меня с пакетами и переноской.

— Но ничего такого, — поспешила я за ним, — просто енотов заберут и отдадут на притравочную станцию, если их не спрятать, понимаете?

— Понимаю, — спокойно подтвердил мужчина, поставил пакеты на веранде и направился за новыми.

Я вильнула следом:

— Вы же не расскажете?

— Что вы украли енотов? — усмехнулся он, оборачиваясь от машины, и вдруг серьезно продолжил: — Если будете себя плохо вести.

— Очень смешно, — фыркнула я, выволокла последнюю партию пакетов и направилась за Михаилом к крыльцу.

«Блин, как он столько всего сразу тащит? — подумалось мне. — И не вспотел даже!» А когда он обернулся, я чуть было не споткнулась и не улетела носом ему в ноги, но он каким-то образом вдруг оказался рядом, подхватил меня подмышки и усадил на ступеньку:

— Не ушиблись? — заглянул в лицо.

— Н-н-нет, — ошалело прохрипела я. — Простите... Спасибо вам большое.

— Не за что, — усмехнулся он. — И удачи в дальнейшем нарушении закона. Кстати, а так и не скажешь, что такая женщина как вы, способна на такое дерзкое решение...

— Совесть меня не мучала, если вы об этом, — смутилась я.

— А должна бы, — усмехнулся он шире, — вы сделали меня сообщником.

— Перестаньте меня пугать! — возмутилась я. — Это всего лишь еноты! Я никого не убила! Я спасаю им жизнь!

Его взгляд дрогнул, а черты лица напряглись.

— А плакали вы почему? — вдруг напомнил он.

И так на меня посмотрел, что я почувствовала себя очень странно. Меня затопило горечью одиночества, и от этого захотелось расплакаться снова.

— Я вернулась вчера с работы, нашла в ванной чужие женские трусы, собрала вещи и ушла от мужа, — ответила я и отвела взгляд. — Мне себя жалко.

— А мне вас не жалко, — заявил сосед с усмешкой, и я едва не задохнулась от возмущения.

— Вы врете! — возопила я на вдохе.

— Да? — и снова улыбнулся он так притягательно, что захотелось пригласить его на чай.

— Да! Вы пришли на мой вой и всех енотов мне перетасили из машины! — обличительно тыкнула я сначала в переноски, а потом в забор.

Показалось, что этот мужчина — единственный, кому вдруг стало дело до меня и моего плача здесь в глуши. Но я умела убеждать себя в несуществующих чувствах и отношениях. Почему-то именно сейчас я поняла, что Юрка давно меня не любил, а я все придумывала себе семью, которой у нас не стало много лет назад.

— Зайдете на чай? — ляпнула я, зябко ежась.

— Нет, — мотнул он отрицательно головой и поднялся.
— Удачи, Маша.

— До свидания...

Я проследила, как он направляется к воротам и скрывается за ними. Стало совсем прохладно, и я подобрала остатки пакетов и потащила все в дом.

Глава 3

— Вы — настоящий джентльмен, — встретила меня ризитор с улыбкой, но, видя мое скептическое выражение лица, поспешно добавила: — Других домов поблизости нет. Либо не подходит по сумме, либо — по требованию об уединении.

— Я понял. — И я оглядел участок. — Меня устраивает.

— Ну и славно, — просияла женщина, и мы пожали руки.

Когда она радостно умчала по разбитой дороге, я огляделся и прислушался. В доме Маши и енотов горел свет и слышалась возня. Отсюда было не заглянуть в окна, а жаль. Я поймал себя на том, что губы тянутся в усмешке, а сам я постоянно прокручиваю обрывки разговора с Машей в памяти.

Отважная маленькая Маша, ты смотри! От мужа ушла, по пути спасла пять енотов и сидит плачет в машине, которую завела в забор на последней дистанции. Я такого не встречал. Вообще, одинокие маленькие женщины — это что-то с чем-то. От них никогда не ожидаешь внутренней силы и му-

жества, на которые они способны.

Эх, надо было соглашаться на чай. По крайней мере, у нее там должно быть сейчас весело. Расселить пять енотов в этом дорогом шале так, чтобы они ничего не испоганили, — это надо постараться. Кто ее пустил сюда вообще с этой спасательной операцией? А мне вообще есть дело?

И я усмехнулся снова. Пожалуй, ближайшая пара недель будет немного разнообразней, чем я ожидал. Маша — женщина незаурядная. От нее, кстати, пахнет медикаментами, кофе и едой. Может, собирала аптечку для енотов, конечно... Но... Я замер, прислушиваясь к воспоминаниям о запахе... Нет, не похоже. Въедливые запахи. Специфические... Ладно, хрен с ними.

Я было развернулся на крыльце и посмотрел в сторону двери, но снова обернулся и бросил взгляд на дом Маши. Блин. Люди в отчаянии, подобном ее, способны на всякие поступки. Но больше всего — на рассеянность. Они не особо отдают себе отчет в происходящем. Машину, к примеру, Маша так и бросила за воротами. Открытую. С ключами в замке зажигания. И ворота нараспашку.

— Черт, — выругался я себе под нос, спустился по ступеням и направился обратно к соседке. Но привлекать ее не

стал. Распахнул ворота пошире и сел за руль. Вернее, еле влез. В машине, как и от самой Маши, кричало о том, что тут регулярно бывает врач. И я лишь утвердился в мысли, что Маша как-то связана с медициной. Но, может, она ветеринар? Это было бы логично.

Но дальше запаха совать нос не в свое дело я не стал. Загнал машину во двор и тщательно проверил замок на воротах, потому что ключи от машины остались в зажигании. Заходить в дом и заносить их не хотелось. Вернее, не так. Мне хотелось. И поэтому делать этого не стоит.

Зачем оно мне?

Такому...

Свет в моем новом пристанище остался гореть в гостиной, и выглядело это не так уютно, как у соседки. Домик не манит. Небольшой, угрюмый, выстуженный. Мне под стать.

Решение о его покупке было продиктовано рядом причин. Первая — я ненавижу арендовать дома, нюхать чужие запахи, трогать чужие вещи и исследовать чужие жизни, которые прошли в незнакомых стенах. Ничто не делает ярче понимание, что собственная жизнь прошла как-то мимо, чем чужие жизни перед носом. Вот в военном госпитале все не так. Там

жизнь собирается в пружину секунды и расправляется с такой силой, что выстреливает слишком оглушительно, стоит только расслабиться и дать маху... Ее не взять голыми руками, не удержать в зубах. Час там — как месяц здесь, в тишине. Иногда мне кажется, что я прожил лет двести минимум.

Вторая — я всерьез раздумывал о том, что мне понадобится уединенное место для передышек, ведь возраст уже не тот. У меня не сложилось ни семьи, ни привязанностей среди своих. Я привык быть рядом с людьми, поэтому жилые округа для оборотней меня не прельщали. Здесь же мне более-менее нравилось. Улица, на которой стоял дом, упиралась в лес. Не слышно было ни музыки, ни чужих разговоров, ни запаха сигарет, ни машин. Да, пожалуй, мне может тут понравиться.

Я зашел в дом и бросил на полу спортивную сумку, осматриваясь уже спокойней. Все выглядело также, как и на фото. Бытовая мебель и техника — в наличии, и даже посуда на первое время имелась. Я походил туда-сюда, похлопал дверками шкафов, не сразу соображая, что именно я делаю...

— Черт, как же тут тихо, — проворчал досадливо и пошел искать спальню.

В отличие от Маши, мой дом был меньше, но в два эта-

жа. В коридоре я прошел прямо, а вот в дверях спальни пришлось пригнуться и войти боком. Ну, тоже неплохо. Мансардное окно раскрыто, прохладно, свежо, большая кровать радует глаз. Отлично...

И только я было собрался спуститься в кухню и придумать что-то с ужином, от дома Маши раздался вопль.

Я рванулся из дома и бросился к участку соседки, даже не успев подумать. Она так кричала, будто... даже не знаю. Напоролась на нож, разве что. Я перепрыгнул через деревянный забор в один прыжок, приземлился на ноги и бросился по ступенькам. Ворвавшись в дом, я вбежал в гостиную, готовый ко всему. В особенности — к оказанию первой помощи при большой потере крови... только никакой потери я не обнаружил. И даже не сразу понял, кто тут и что потерял. Маша сидела на столе с поджатыми к груди ногами и орала на одной ноте. Тут же по полу шастала троица енотов, деловито снуя лапами под диваном у стены.

Не знаю, от злости или беспокойства, а, может, от невозможности обрести дар речи и переорать этот бедлам, я сцапал соседку за ноги и дернул к себе. Она проехала попой по столу и с визгом влетела в мои руки, а я принялся ее осматривать. Оставалась у меня надежда, что под ее темной кофтой торчит какой-нибудь острый предмет, и это все сейчас

объяснит...

— Что вы делаете?! — вскричала Маша, когда я бесцеремонно задрал ей кофту.

— Пытаюсь понять, что вы так орете! — рявкнул я. — Что случилось?! Вы ранены?

Черты ее лица расслабились, и она прикрыла глаза, будто собираясь упасть в обморок. Но тут под диваном что-то запищало, и я резко обернулся. Еноты расступились и насупились, заглядывая под него по очереди.

— Кры-с-са, — выдохнула Маша, наконец. — Большая. Выпрыгнула на меня из духовки...

— Просто вып... — начал было я, но, видя ее состояние, проглотил колкости. — Не поранились, точно?

— Я их очень боюсь, — принялась оправдываться Маша, — однажды с бригадой скорой приехали в одну квартиру, а там... их столько было... И спасти уже было некого. Даже опознать было трудно того, кто когда-то жил в квартире...

Она тяжело сглотнула и побледнела еще больше, схватившись за живот.

— Понятно, не продолжайте. — Я подхватил ее на руки и отнес на диван, стараясь не наступить на енотов. — У вас есть сладкий чай? Вы давно ели вообще?

— Давно, — смущенно просипела она и поежилась.

Я уже отыскал все необходимое для чая и включил чайник.

— Вы принимаете какие-то лекарства на постоянной основе? — обернулся от стола.

— Н-н-ет, — хрипло выдохнула она.

— Нет каких-то хронических заболеваний? Астма? Гипотезия? Проблемы с сердцем?

— Вы — врач? — удивленно глянула она на меня.

— Я — хирург.

— Никогда бы не подумала, — усмехнулась она слабо. — Вы уже и себе чаю сделайте что ли, все равно же пришли...

Я кивнул. Действительно, что уж?

— Тяжелый у вас денек выдался, — заметил я.

— Это точно, — расстроено согласилась она и шмыгнула носом. — Как мне теперь тут ночевать, блин! Я до смерти боюсь теперь крыс...

— Крысы безобидны для вас. Ну, прижился кто-то один...

— А вдруг их тут много? Они же стаями живут, — дрожащим голосом выдавила она.

Еноты так и сидели в засаде вокруг дивана. Охотники, тоже мне.

— Вы можете вызвать какую-нибудь спецслужбу, чтобы...

— Нет-нет, крысы-то в чем виноваты?.. — замотала она головой. — Это Сашка, наверное, устроила им тут легкий доступ к еде. Там в шкафу все подряд — печенье, хлопья, и все без банок. Конечно, они будут тут шариться...

— Логично, — одобрил я и поставил свою кружку на стол рядом с ее, решаясь ее отвлечь. — А еноты где жить будут?

— Тут есть мансардная комната. Там идеально для них.

Сейчас все подниму наверх...

Я скептически хмыкнул:

— Позвольте помочь?

Ее взгляд дрогнул:

— Ну, что вы, — улыбнулась она вымучено, — я сама. Я же ехала сюда, полная уверенности в себе...

Я поморщился, и она это заметила.

— Смееетесь, — констатировала удрученно.

— Нет. Я просто думаю, что вы приняли много эмоциональных решений за последние пару дней. И не могли трезво оценивать свои силы. — Я оглядел кухню, по которой шныряла пушистая банда. — Все же пять енотов — это даже не пять детей.

Один как раз докопался до меня — встал рядом, возложил лапы мне сначала на колени, потом принялся исследовать пряжку на моем ремне.

— Пакля, это несъедобно, — устало одернула его Ма-

ша, но енот продолжал лапать пряжку. Маша улыбнулась. — Еноты «видят» руками. Вы для них — пришелец, и они принялись вас изучать.

— Лучше бы они крысу изловили, — недовольно заметил я, внимательно следя за манипуляциями животного, которые не внушали никакого доверия.

Так и подмывало спросить, из какого цыганского табора его изъяли. Видит он руками, как же! Когда ворюга полез в карманы, я деликатно отказался от его манипуляций, сделав ему мягкую подножку. Зверь с недовольным ворчанием сорвался и встал на четыре лапы.

— Крыса для них — просто любопытное явление, — вздохнула Маша. — А вы в какой области хирург?

— Я — военный хирург.

— Ничего себе, — впечатлилась она. — А вы один тут? Ну, планируете жить?

— Планировал один, да. У меня отпуск.

— Простите, что я вам его тут... порчу, — смутилась Маша.

— Ну, он только-только начался, поэтому не вижу ничего критичного, — дипломатично улыбнулся я. — Давайте устроим ваших енотов с удобствами?

— Давайте, — решительно кивнула она и слезла с дивана. — Вот эти сумки нужно поднять в мансарду...

Когда я закончил перетаскивать все это добро наверх, понял, что из Машиных вещей тут только небольшой чемодан, оставшийся стоять в углу. Сама Маша распахивала еду во вместительный холодильник, и, бросив взгляд туда, я утвердился в мысли, что из человеческой еды там тоже не густо...

— Мда, ваши подопечные не похудеют — и это главное, — скептически усмехнулся я.

— Так и было задумано, — с улыбкой кивнула она.

— Кровати для енотов меня особенно тронули...

Маша улыбнулась шире:

— Смысл был взять что-то с их родным запахом, чтобы они меньше стрессовали.

Я вообще не заметил, чтобы еноты стрессовали. Путались под ногами, лезли сначала вперед, потом спешили назад, будто без них я не найду то, что нужно отнести к ним наверх. Часть банды оставалась наверху и, пока я тащил следующую партию вещей, растаскивали по углам то, что я уже принес.

— Так, положи это и не трогай, — гаркнул я на одного, который тащил какой-то плед в зубах, — это вообще твое? Эй!

Второй с остервенением рвал пакет с игрушками, а третий принялся хватать оттуда все, до чего смог добраться, и между парой началась потасовка. Пришлось разнимать.

— Сидеть, — строго наказал я забияке, усаживая его в один угол и унося второго на подоконник. — Ты сидишь здесь! Разошлись! Брейк!

— Вы шикарно справляетесь с воспитательной частью, — слышалось восхищенное от лестницы, и наверх поднялась Маша, — у вас, наверное, куча детей?

— У меня нет детей, — сообщил я, понимая, что принимаюсь заполнять анкету. И, стараясь оставить меньше свободных строк в ней, добавил: — Не женат, сорок восемь лет.

— И не были?

— Нет.

— Эх, напиться с вами по поводу общей неудачи в браке не выйдет, — усмехнулась Маша.

— Со мной вообще напиться не выйдет, — брякнул я, но, видя ее смущение, объяснил: — Я не пьянею.

— Наверное, вы — тот, кто разводит всех напившихся с вечеринки, — улыбнулась Маша натянуто.

— Бывает, — постарался ответить я на улыбку, а внутри скрежетал зубами.

Мда, я безнадежно одичал. Красивая одинокая женщина ищет со мной общие темы и вообще пытается говорить, а я же как даун несу какую-то ахинею.

— И пакет игрушек... порвали, — неуклюже сменил я тему. — Так много!

— Если им нечего будет грызть, они начнут грызть дом, — усмехнулась Маша.

И я заметил, что о енотах ей говорить проще всего. Сразу пропадает всякая натянутость...

Мы спустились вниз, но не успела Маша подойти к столу, как заверещала, отскакивая назад как кошка и влетая задом прямо в мои руки. Я машинально подхватил ее и усадил на столешницу. Машу всю затрясло так, будто у нее упал сахар. Я взялся за ее ладони и даже принялся считать пульс.

— Крыса, — просипела она. — Сидела возле стола.

— Я так и понял. — Озабочено кивнул я, убирая пальцы с ее пульса. — Пойдемте спать ко мне сегодня, а завтра будем решать проблему с крысами...

— Что? — округлила она глаза. — Н-н-е...

— Я не смогу сюда всю ночь бегать на ваши крики. Так мы оба не выспимся. А если и того хуже — у вас действительно случится беда, а я подумаю, что снова крыса, и не прибегу?

— А крыса — это не беда что ли? — обиделась она.

— Ну, она вас ни грабить, ни насиловать не будет, — резонно возразил я.

— Нет, спасибо за предложение, — мотнула она головой и обняла себя, — но... я — взрослая женщина, и справлюсь со своими страхами.

Несколько минут спустя...

Я давно слышал, что она шуршит кустами, пробираясь к моему дому. Морду перекосило от усмешки, когда слышался скрип деревянных ступеней. Взрослая женщина, угу... Тихий стук в двери уже не стал неожиданностью, и, когда на пороге моего дома возникла Маша, я самодовольно усмехнулся:

— Это — правильное решение, — начал было я, но, видя некоторое несоответствие эмоций на ее лице, озадаченно замолчал.

Маша протягивала мне ключи от мотоцикла с таким лицом, будто еще минуту назад они были живы, но спасти ей их не удалось.

— Михаил, простите ради Бога, но Моцарт спер у вас ключи...

Почему-то стало даже обидно. Я смущенно усмехнулся:

— Вот как... А я было подумал, что вы все же решили переночевать у меня.

— Это еще не все. Он их постирал...

Я сделал медленный вдох, сцепив зубы, чтобы не ругнуться и успокоить нервы:

— Давайте сюда.

Заполучив ключи, я направился в дом. Маша бросилась за мной, причитая:

— Простите, я... я все оплачу... что... что с этим можно сделать?

— Ничего страшного, — машинально соврал я, потрясая ключами.

Мда, булькают сочно. Плохо. Я направился к мотоциклу и вернулся с сумкой.

— Михаил, когда я собралась к вам возвращать ключи и спустилась по ступенькам, то оставила двери дома открыты-

ми, — нервно сообщила Маша.

— Идите, конечно, — рассеяно отозвался я, принимаясь вскрывать ключ.

Черт, если он заклинит, будет дерьмово...

— Я не об этом. Крыса рванулась из моего дома в сторону вашего!

— А, вот оно что... — И я бросил на нее взгляд. — Не с пустыми зубами, надеюсь?

Маша шутки не оценила. Продолжала так виновато на меня смотреть, будто лично подкинула мне крысу. И ключи постирала тоже сама.

— Михаил, я лично передам с крысой что угодно, лишь бы загладить вину, — расстроено выдала она, но тут же моргнула, — то есть, я принесу и сама все!

— Думаете, эта крыса — моя? — как можно серьезней уточнил я и полез в аптечку.

— Не исключено, что они живут на два дома, — Маша отчаянно пыталась переживать о ключах и крысе, но послед-

няя меня интересовала в последнюю очередь. — Либо в вашем у них перевалочная база на случай, когда в мой дом приезжает подруга.

— Как все продумано, — проворчал я, принимаясь обрабатывать внутренности ключа спиртом.

— Кажется, это в вашем доме нужно устраивать облаву на грызунов, — совсем сникла она. — Если вы захотите, я лично найму службу и все оплачу...

— Нет-нет, я как-нибудь договорюсь с ними сам, — заверил ее я, пристально глядя на внутренности ключа. — В смысле, с крысами.

— Будете травить?

— Нет, кормить до отвала, чтобы они уже не могли добежать до вас...

Маша прыснула, и я довольно усмехнулся.

— Ну что? — тревожно спросила она, глядя на труп ключей на столе.

— Пациент скорее мертв...

— Черт, — обреченно протянула Маша. — Вы теперь не сможете завести мотоцикл?

— Посмотрим, — хмуро пообещал я и выпрямился над столом. — Чаю?

Маша невесело усмехнулась:

— Нет-нет, спасибо. Думаю, во избежание еще каких-либо инцидентов... — И тут она бросила взгляд на пол и медленно попятилась задом к столешнице. — Это он.

Я вытянул шею и сразу же нашел взглядом бедную крысу, которой все никак не удавалось уединиться этим вечером. Как много у нас с ней общего!

— Может, это она, — предположил я.

Маша же с неопишуемой грацией кошки подтянулась на руках, уселась на столешницу теперь уже в моей кухне и поджала ноги.

— Да что ж это такое... — просипела, не спуская с крысы взгляда.

— Она чувствует ваш страх, — на полном серьезе предположил я. — Я прямо вижу, как растет ее самооценка в собственных глазах.

— Михаил, можете... можете понизить ее самооценку чем-нибудь?

— Вы же против насилия над грызунами.

— Психологического достаточно...

Я шагнул в сторону крысы, и та юркнула куда-то вбок, доказывая, что неплохо тут ориентируется.

— Ну, вот, от вашего стола к нашему... — улыбнулся я.
— Вы останетесь или вас отнести домой?

— Простите, — залепетала Маша, спуская ноги. — Я домой, да. Енотов еще кормить...

Я смотрел на ее плавные маневры и с удивлением признавал, что расстроен тем, как крыса обломала мне вечер. Не знаю правда, в какой момент. Кажется, я уже нарисовал себе в воображении теплую, а, может, даже горячую ночку с обворожительной и пугливой соседкой, и даже еноты были на моей стороне — сперли ключи, чтобы Маша пошла их

возвращать. Но вот какая-то крыса мне все расстроила. Может, открыть двери и шугнуть, чтобы она побежала обратно к Маше?

Соседка мою удрученную рожу восприняла по-своему:

— Вы же не боитесь крыс?

— Нет, я для них практически свой, — хмуро заверил ее я.

— Тогда спокойно ночи, Михаил. И спасибо большое еще раз.

««Спасибо» не греет», — подумал я досадливо и натянуто улыбнулся соседке:

— Пока, Маша.

Оставшись в одиночестве, я заключил, что все к лучшему. Было в Маше что-то такое, к чему хотелось принюхаться, что ли. Или эта глушь так располагает, что хочется развалиться на нагретой лежанке, укутаться пледом и прижать к себе женщину... Определенно, такой отпуск пошел бы мне на пользу больше. Но я уже не в том возрасте, чтобы бросаться в авантюры. Муж там какой-то, драма с изменой, развод или

еще хуже — его отсутствие. Зачем мне это все? Правильно. Незачем.

Когда слышался писк посреди кухни, я оглянулся:

— А, это ты. Ну, проходи-проходи. Яичницу будешь?

В моих теперешних интересах задержать крысу здесь, чтобы Маша больше не дергалась у себя, а я не дергался на ее вопли. В какой-то момент мелькнула мысль, что, там, где крыса не справилась, вполне может справиться медведь... Ну, порычать под окнами, и Маша точно прибежит ко мне с чемоданом.

И енотами.

Нет, плохая идея. Обойдусь, пожалуй, крысой.

Я пожарил яичницу, поужинал в мрачном настроении, оставил подношение крысе и направился в спальню.

Глава 4

Ночь в машине вышла так себе...

Ну, еще бы! Я свернулась калачом на заднем сиденье, отлежала себе все, что только можно, и проснулась ни свет ни заря. Злая и уставшая, как собака. Уснуть в одном доме с крысой у меня не вышло, хоть я и пыталась. Ну, вдруг бы она вернулась от Михаила? Она же не через парадный ход бегают...

Прикрыв двери машины так, чтобы не потревожить утренней тишины, я прокралась в дом и зевнула, оглядываясь. Надо сделать кофе, проснуться и продолжить обустройство енотов. А еще — выяснить цену ущерба, который мы нанесли соседу с ключами.

Но сначала — душ. Только после него меня вдруг растащило так, что я еле доплелась до кровати и вырубилась. Проснулась от грохота над головой, и осознала себя уже на лестнице на крышу. Ворвавшись к енотам, обнаружила, что они уже всю благоустраиваются — перетаскивают кровати

из одного угла в другой. Или просто намекают, что пора бы и позавтракать, что более вероятно.

— Сколько времени? — прохрипела я, оглядывая комнату.

Но ответить мне было некому. Еноты собрались дружной кучей и направились на кухню гуськом. Я поплелась следом. Когда миски наполнились едой, а кухня — сочным чавканьем, я потянулась к кофеварке. И к мобильнику, который зазвонил в этот момент.

— Маш!

— Привет, Саш, — прохрипела я.

— Ты как? Я все утро звоню...

— Да я спала плохо...

— На новом месте?..

— Ну, ... да.

— Устроилась?

— Да, все нормально. — Я заставила себя звучать бодрее.
— Сегодня буду доделывать начатое. Енотам нужно собрать горки...

— Я сегодня приеду к тебе, и все сделаем.

— Зачем? — впала я в ступор.

— Ну, как же? Помочь. А то нагрозила тебя проблемами...

— Да у меня все под контролем, Саш, мне тут сосед вчера очень помог...

— Сосед? — удивилась Саша. — Там же нет никого...

Я вымученно усмехнулась.

— Ему не повезло купить дом по соседству, представляешь? Совсем недавно.

— Вот, как? И... как он? Кто?

— Военный хирург. Зовут Михаил. Выглядит шикарно, как суперзвезда из турецкого сериала.

— М-м-м-м... — многозначительно протянула Саша, — не женат?

— Нет... — потеряла я бдительность. А потом до меня дошло, и я округлила глаза: — Нет, ты не так поняла!..

— Молодец, главное ты выяснила. Ты там это... не теряйся, — поощрила Сашка. — Юрке твоему надо создать повод для того, чтобы он погрыз себе локти хорошенько...

— Да ну, Саш, — нахмурилась я, — я еще даже на развод не подала. И не стоит Юрка того, чтобы с первым встречным роман крутить. Зачем мне это?

— Ты права, — вздохнула Сашка.

— Короче, не приезжай. Смысла нет. У меня все под контролем, сама сегодня все доделаю.

— Ладно... — рассеяно протянула подруга.

— Как там с кафе обстановка? Что-то прояснилось?

— Я легла два часа назад. Отправляла пресс-релизы... Пока рано говорить, мало времени прошло. Но я бы с удовольствием сейчас села бы с тобой на веранде с кофе, приго-

товила бы завтрак нам с тобой и... — И тут она вдруг выругалась и издала звук на вдохе, который доведет кого угодно до нервного срыва: — И-и-и-и-и-и-и-и... Маш, я тебе забыла сказать! Там в доме пасюк живет. Его Гоша звать, он домашний. Может явиться. Привык, что я его кормлю. Ты его не пугайся только, ладно? Он очень ласковый...

Я так и зависла с недонесенной чашкой кофе до рта.

— Что? — хрипло каркнула, раскрыв глаз. — Гоша?

— Да, Гоша. Пасюк. Крыс такой коричневый. Он хороший очень, ничего не портит, живет в клетке в углу за диваном.

ЧЕРТ!!!

— В клетке? За диваном? — пропищала я и бросилась в указанном направлении.

— Да. Я клетку не закрываю. Оставляю ему еды побольше, — объясняла тем временем Саша. — Маш?

Ну, да, откуда Сашке предположить, что подруга, которая кого только с ней не таскала из приюта — и декоративных крыс в том числе — может до потери пульса бояться дикуую крысу...

Действительно, клетка стояла за диваном. С наполнителем, гамаками, коробкой-домиком и едой.

— Я заглянула. Клетка пуста... — Я остервенела терла лицо, соображая, что же мне теперь делать и как вернуть Гошу.

— Наверное, вышел куда-то, — обеспокоено предположила Саша. — Но он всегда приходит. Ты посматривай, ладно? Дай мне знать, а то я волнуюсь. Я его люблю очень, он хорошенький.

— Наверное вышел, да, — глупо повторяла я, пытаюсь заглушить нецензурную брань, оравшую сиреной у меня в голове.

— Ты же не боишься крыс? — спохватилась Саша и усмехнулась: — Сколько мы их спасали и по приютам развозили...

Ну, кто бы мог подумать, что это — утренний разговор двух женщин за сорок, да? Ни дети, ни налоги, ни рост цен не были его предметом. Хотя, ну, а что тут удивляться? Дети уже выросли у обеих, и тут уж не на что влиять, ибо все основное произошло. С налогами и ростом цен ничего не поделать. А вот спасти тех, кто беззащитен перед людской же-

стокостью — это было вполне нам по силам.

— Ну, да, мы пристроили немало крыс, но они все были «декорашки», — неуверенно возражала я, поглядывая в окно на дом соседа.

Как мне объяснить Мише, что мне нужно срочно забрать Гошу назад?

Он решит, что я в край чокнулась. Но сделать это нужно как можно скорее. Вдруг, Миша не хотел меня расстраивать, а сам поставил ловушку на Гошу и избавился от бедного пасюка?

— Тебе он понравится, правда, — воодушевленно обещала Саша. — Он — самый доверчивый и нежный крыс из всех, кого я встречала.

— А откуда он тут? — машинально интересовалась я, оглядываясь в поисках штанов.

— Я его нашла слепышом в траве. Видимо, его мама несла и потеряла, когда спугнул ее кто-то...

— Сашк, я поражаюсь, какое у тебя большое сердце, — прошептала я.

— Нет, Маш, просто чем больше я узнаю людей, тем больше люблю животных, — процитировала она известную фразу.

И не поспоришь.

Как только мы попрощались, я натянула кофту и бросилась к соседу. Хоть бы Михаил уже проснулся и еще не уехал! Хотя, как он уедет без ключей? Но сосед открыл двери довольно быстро, а, судя по чашке кофе в руке, я его не разбудила.

— Маша?

А я беспомощно вылупилась на его топless, потеряв дар речи. Ни черта себе, мышцы! Кубики! Раз-два-три-четыре...

— Маша, что-то случилось? — снова позвал он меня, шагнул за порог и взял под руку. — Что такое?

— Доброе утро, — просипела я, наконец, отрывая взгляд от его тела.

— Доброе?

— Михаил, тут такое дело... — затараторила я, — только не сочтите меня полной дурой, но эта крыса, оказывается, Гоша.

Михаил медленно сузил глаза на моем лице и нахмурился, изо всех сил пытаюсь понять мой бред.

— Маша, может, кофе?

— Я уже выпила, спасибо. Михаил, простите...

— Если вы перестанете извиняться через слово, до меня дойдет быстрее, — хмуро вставил он.

— Короче, подруга мне забыла сказать, что эта крыса, которая напугала меня вчера в ее доме, ее ручная дикая крыса! И ее зовут Гоша! Или его... В общем, мне нужно его вернуть.

Михаил вскинул руку к лицу, но скрыть усмешку не успел, а потом и вовсе рассмеялся. Я же почувствовала, как у меня разгораются щеки, но тут губы дрогнули в усмешке, и я спрятала лицо в ладонях:

— Мне очень стыдно...

— Нет, вам нужно радоваться, — улыбаясь, возразил Ми-

хаил. — Проходите, Маша. Я, конечно, не ручаюсь, что Гоша еще тут, но я вчера сделал все, чтобы он остался...

— Вы же не прибили его? — проскулила я.

— Я же обещал, — бросил он на меня укоризненный взгляд. — Или вы надеялись?

— Нет, что вы! Ну, может самую малость... А чему мне радоваться? — решила уточнить я.

— У вас такая дружба с вашей подругой, что меня аж зависть берет... Вам, наверное, никогда не скучно.

— Стоит признаться, что все самое запоминающееся у меня происходит в ее компании.

— Я так и понял. — И Михаил опустился на четвереньки и заглянул под кресло в гостиной. — Вот тут я оставлял ему ужин. Да, Гоша откусал, но не вижу его здесь...

— В общем, если увидите...

— Скажу, что вы ждете его дома, — закончил он и снова рассмеялся, но следом серьезно добавил. — Поймаю и принесу вам. Только, как вы с ним жить-то будете? Сегодня,

зная, что его дома нет, вы все равно спали в машине...

Я смущенно закусила губу.

— У него там клетка, — сообщила, наконец, — посажу в клетку. Побудет там, пока я живу в его доме. Кроме того, это, к счастью, значит, что никаких стай пасюков у меня в доме нет...

— Логично, — кивнул Михаил и вдруг глянул куда-то мне за спину. — Зато у вас есть еноты... — Я резко обернулась и обнаружила всю великолепную пятерку на пороге у Миши. — Видимо, пришли искать Гошу...

Я же раскрыла в панике глаза, лихорадочно соображая. Видимо, не закрыла двери, и они высыпали за мной! Но, если на них сейчас кинуться, они разбегутся по дачам!

— Миша, их нельзя спугнуть, — прошептала я, с надеждой глядя, как Моцарт первым направился в гостиную. Остальная часть банды застыла, решив понаблюдать, выживет ли их отважный парламентар. — Можете какую-то еду предложить?

— Могу, — спокойно отозвался Михаил. Он направился к холодильнику, вытащил из него сковородку и поставил на

пол. — Братва, завтрак подан.

Моцарт направился к сковородке так, будто пришел домой, остальные вроде бы тоже расслабились. Я присела на колени и протянула руки к Мартише:

— Марта, ко мне...

И все вроде бы было под контролем. Только Моцарт вдруг грохнул сковородкой, и четверо енотов бросились врассыпную.

— Нет! — пискнула я и рванулась за ними на улицу, приказав Михаилу: — Закройте Моцарта в доме!

Потом буду извиняться. Нельзя дать банде разбрестись по округе. Что я Сашке скажу? Гошу прохлопала — ладно. Но потерять в первый день пятерых енотов!..

И я уже готова была сигануть за ними с крыльца, как меня вдруг схватили сначала за руку, удивительным образом не позволив оторваться от пола, а потом поперек ребер:

— Стоять, — прорычал Михаил низко над ухом.

Я же беспомощно следила, как четверо енотов бросают-

ся... в сторону моего дома. Бегут гуськом сначала к забору, потом забираются по очереди на него и спрыгивают уже в моем дворе. Ну, а оттуда — к крыльцу. Оставалось только тяжело дышать и глупо хлопать глазами. Пока мое внимание привлекло движение сбоку, и я не увидела, что рядом уселся Моцарт, дожевывая кусок яичницы с видом: «Спасибо, что спугнула, а то бы мне делиться пришлось».

Убедившись, что я уже не планирую свернуть себе шею в прыжке на его забор, Михаил расслабил хватку и позволил мне вздохнуть полной грудью. Я смущенно оправила кофту и обернулась, впервые за всю жизнь жалея, что у меня нет хвоста. Когда можно просто без слов им повилять, и тебя сразу все прощают.

Мне кажется, я уже бессильна объяснить ему хоть что-то словами. Но мне пришлось все же открыть рот под скептически-мрачным взглядом соседа:

— Это вы отлично подметили... — махнула в сторону забора. — Ну, что они не разбегутся в неизвестном направлении.

— Я бы на вашем месте все же закрывал двери надежнее, — заметил он. — А Гошу, если замечу, верну.

— Ясно, спасибо. — Я подхватила с натужным вздохом Моцарта на руки. — Хорошего вам дня, Миша.

Но на последней ступени подняла глаза и посмотрела на него так виновато, как только могла:

— Как мне... перед вами загладить вину?

Он вздернул бровь и усмехнулся:

— Просто берегите себя, Маша.

— А ключи?

— Думаю, все будет в порядке.

— Ладно. — Я отвернулась и поспешила к дому, пока ено-ты не высыпали во двор снова.

Закрыв за собой двери, я съехала до пола и, выпустив Моцарта, спрятала лицо в ладонях. Боже, какой позор и как мне это все теперь пережить?.. Теперь Михаил наверняка не сомневается, что соседка у него полоумная...

Когда я подняла глаза, обнаружила, что банда обсе-ла меня и вопросительно наблюдает за моими душевными мета-

ниями. Ну, как, банда? Моцарт направился к миске доедать то, что еще осталось. А братва, видимо, недоумевала, почему от этого прохвоста бесстрашного пахнет вкуснее, чем от их миски...

— Это было продиктовано обстоятельствами, — проворчала я, поднимаясь.

А главное — мне самой дико захотелось яичницы. Только яиц я не брала. Да и другими продуктами себя откровенно обделила, кроме хлеба и пары стаканчиков йогурта.

— Так, братва, — скомандовала я, — пора бы вам к себе в апартаменты. А я пойду выяснять, где здесь продуктовый...

Загнав разочарованных енотов наверх, я спустилась и прислушалась. Подумав, вытащила клетку Гоши, почистила ее и насыпала свежей еды, в надежде, что хотя бы Гоша меня простит. Сашка объяснила, как мне добраться до центра поселка, и я, собравшись, прокралась к своей машинке, опасно поглядывая на дом соседа. Но тот безмолвствовал. На месте Миши я бы тоже меньше отсвечивала с таким соседством под боком.

Распогодилось. Я осторожно проследовала разбитой гравийкой до перекрестка, и с облегчением вывернула на ров-

ную дорогу. Асфальт под колесами странным образом улучшил настроение. Да, пожалуй, это схоже с тем, когда в жизни все налаживается — тебя перестает трясти и подкидывать на колдобинах, не приходится гадать о глубине встречных луж и бояться потонуть на дне очередной, и ты выбираешься на ровную гладкую дорогу. Теперь можно добавить скорости и, наконец, насладиться видами. А посмотреть тут было на что. Сегодня при свете дня поселок предстал во всей красе. Благоустроенные территории перед домами, палисадники, сады, дорожки и детские площадки радовали глаз своим разнообразием. Сами домики тоже сильно отличались от тех, которые чахли на нашей с Мишей улице, и я с удовольствием крутила головой, разглядывая каждый. Чисто, светло, чудесный воздух — все это заставило забыть об утреннем конфузе. До центра я добралась через пятнадцать минут неторопливой езды, и въехала на одну общую для нескольких заведений парковку.

— А вот и магазин, — сообщила я себе под нос и вышла из машины.

М-м-м-м, как тут пахло соснами!

В отличном настроении я направилась в двухэтажный продуктовый, на первом этаже которого располагалась кофейня. Стоило войти внутрь, на меня в лучшем провинци-

альном духе сразу обернулись все — бармен за стойкой и пятеро посетителей. Все — пенсионного возраста люди.

— Здравствуйте, — улыбнулась я.

— Доброе утро, — поприветствовал меня бармен. — Кто это к нам пожаловал?

— Маша, — представилась я.

— Хороша Маша, жаль, что не наша, — пробубнил старик за стойкой, ехидно усмехаясь.

Двое других вскинули руки от дальнего столика у окна и представились:

— Я — дед Боря.

— А я — Семен. А этот ворчливый сморчок с кофе — старый хрыч Федор. Будьте осторожны с ним.

И старики захохотали. Федор, к его чести, присоединился к веселью, а бармен снисходительно улыбнулся оживлению и протянул мне руку:

— Петр Акимович.

— Очень приятно.

Оставшиеся две посетительницы взглянули на меня от своего столика по-разному. Одна — приятная бабулька в сиреновом свитере и с легкомысленными кудрями — с любопытством, вторая — со скепсисом.

— Маргарита Ильинична, — мягко улыбнулась мне первая, — а вы чьих будете?

— Я с енотами приехала к подруге на дачу. Мы на Еловой живем.

Лица у присутствующих слегка вытянулись.

— Там еще кто-то живет? — удивленно воскликнул дед Семен, вероятно страдавший тугоухостью.

— Вчера там дом купили, я прям хотел бы посмотреть на этого отважного человека, — заметил Федор с усмешкой. — Там ни дороги, ни соседей...

— А я его видела, — проворчала неприветливая старуха, — странный тип. На мотоцикле, в кожаной куртке, как рокер какой-то! Почему к нам в поселок пускают таких сомни-

тельных личностей?

— Может, он хороший человек, — возразила Маргарита.
— Встречают по одежке, знаешь ли...

— На самом деле, он — чудесный человек, — вступилась я за Михаила. — Он помог мне уже бесчисленное количество раз со вчерашнего вечера, как я приехала. И вещи перенес, и Гошу... кхм... Я, в общем, не знала, что у подруги в доме — ручная дикая крыса, и очень испугалась. А Михаил примчался меня спасать от нее...

Тут я подумала, что бы сказал Михаил обо мне?

— Я бы тоже примчался, — снова съехидничал Федор, но как-то слабо.

— Ой, ему бы только приударить за молодой девушкой!
— съязвила женщина, которая так и не представилась.

А я обратила внимание, что руки Федора задрожали, и он еле заметно пошатнулся.

— Помогите! — крикнула я бармену и подхватила Федора как раз в тот момент, когда он качнулся на стуле сильнее. Петр Акимович оказался рядом, и вместе мы стянули Федо-

ра со стула. — Кто-то знает, чем он страдает?

Я быстро огляделась. Старики переполошились, повскакивали и окружили нас, но никто ничего не знал.

— Откройте окно, расступитесь! — командовала я, расстегивая куртку и ворот рубашки Федора. А потом принялась шарить по карманам и осматривать запястья. Никаких браслетов или таблеток, только пачка сигарет и зажигалка.

— Что вы делаете? — возмутилась вредная старуха.

— Ищу подсказки, — проворчала я. — Я — врач скорой помощи...

— О, так это вас нам прислали? — вздохнула Маргарита, но я не обратила внимания, похлопывая Федора по щекам:

— Звоните в скорую! Петр, принесите мне срочно сахар и воду!

Испарина на лбу, дрожавшие руки и расфокусированный взгляд могли говорить о многом, но падение уровня сахара у стариков случается нередко.

— А что сказать? — растерялась Маргарита.

— Пожилой пациент...

— Да тут все знают друг друга по имени, — вставила вредная старуха.

— ... признаки гипогликемического криза. Либо инсульт... — повысила я голос и принялась считать пульс. К этому моменту бармен уже принес мне стакан со сладкой водой. — Приподнимаем и поим его, пока он еще в сознании.

— Федя, пей! — грозно скомандовал Петр Акимович, и вместе мы худо-бедно напоили старика.

— Да это он, чтобы внимание девушки на себя обратить, — неуверенно хохотнул дед Боря, хотя голос его дрожал от волнения.

— Такое не инсценировать, — заметила я холодно.

— Скорая сейчас приедет, — сообщила Маргарита.

— Спасибо, вы очень быстро сориентировались, — похвалила я, немного расслабившись. Федор и правда хорошо реагировал на терапию.

— Он эспрессо с утра заказывает обычно, — размышлял Петр Акимович. — Ничего необычного.

— А семья? — спросила я.

— Сын у него в городе...

— Есть номер сына? Ему нужно сообщить.

— Да, у меня все номера есть, — кивнул Петр. — Сейчас поищу.

— У нас нет сейчас врача в медкабинете, — вставила вредная старуха. — Он уволился.

— Но парамедики же есть?.. — растерялась я.

Тут на стоянке затормозил небольшой медицинский фургон, и из него выскочила девушка.

— Есть одна, только закончила мединститут, — скептически сообщила вредная старуха, кивая мне на вход.

— Где Федя? — бодро потребовала девушка в форме, едва протиснувшись с чемоданчиком в двери. Невысокого роста, миловидная, кучерявые волосы торчком и глаза еще бле-

стят. Видно, что на заре карьеры...

— Здесь, Галь! — обозначила Маргарита очевидное и принялась рассказывать: — Побледнел, чуть не упал со стула, но наш новый врач, к счастью, оказалась здесь.

Федя уже порозовел и смотрел на всех вполне вменяемым взглядом.

— Дядь Федь, ну вы что? — нависла над ним Галя. — Что случилось?

— Ничего, — пробурчал он и заворочался.

— Лежите, — надавила я ему на грудь, понимая, что больше некому. Галя — совсем девчонка, эти старики тут ее по струнке пустят ходить. — Галина, транспортировать Федора нужно в город срочно.

— Я поняла, — кивнула девушка, будто счастливая, что кто-то принялся командовать вместо нее. — Для таких случаев у нас есть водитель.

— Носилки у вас есть?

— Их носить некому, — состроила она бровки домиком.

Блин, ну что тут за бардак творится? Поселок — сплошной дом престарелых, и носилки носить некому!

— Я уже нормально себя чувствую! — воспротивился Федор. — Со мной это часто бывает, дайте подняться...

— Часто? — переспросила я. — У вас — диабет, верно?

— Что-то вроде того, — нехотя отозвался он.

— Люди, которые вас окружают, должны об этом знать. Вы приняли инсулин сегодня?

— Конечно!

— Натощак?

Федор недовольно зыркнул на меня из-под густых бровей:

— Я тут обычно завтракаю.

— И тем не менее, вам нужно в больницу.

— Я отказываюсь от госпитализации, — возразил упрямый мужчина и принялся усаживаться. — Могу расписать-

ся, где там у вас нужно...

— Галя, дайте ему бланк, чтобы расписался, — удрученно вздохнула я.

Пока Федор потягивал остатки сладкой воды и подписывал отказ, я обратилась к Петру Акимовичу:

— Сыну дозвонились?

— Да, уже едет, — кивнул он. — Мария, можно, я дам ему ваш контакт, а то Галя все же не обладает таким опытом...

— Конечно, дайте.

— Диктуйте номер...

— Ой, Маша, — подкралась сзади Маргарита, — вы такая молодец, так быстро сориентировались! Мы понятия не имели, что Федя болен, и с ним может случиться такое...

— Это — очень опасное состояние, — решила я провести старикам лекцию о безопасности, — поэтому, если кто-то имеет подобные заболевания, должен известить об окружающих, либо носить у себя браслеты или информацию в другом удобном виде, чтобы ее можно было быстро найти.

Это может спасти жизнь.

— Если бы не вы, Федя бы умер, — впечатлилась Маргарита.

Но тут к ней присоединилась ее неприветливая подруга.

— Мария, а когда вы вступаете в должность нашего врача? — деловито уточнила она. — А то не хотелось бы попасть в подобную ситуацию впредь.

Я растерянno посмотрела сначала на нее, потом на Маргариту.

— Я не претендую на должность, — улыбнулась осторожно, — понятия не имела, что она у вас есть.

— Как? — разочарованно протянула Маргарита.

— Это странно, — нахмурилась ее подруга, — я совершенно уверена, что наш отдел кадров должен был кого-то уже нанять на место уволившегося врача...

— Маша, а у вас есть другая работа, да? — переживала Маргарита.

— Нет, я только что уволилась, но... — растерянно блеяла я.

— Ну, так это судьба! — воспряла она. — Маша, переходите к нам! Вы ведь здесь живете?

— Да, но я ненадолго...

Тут меня подцепила под руку ее подруга и потянула в сторону.

— Мария, я сразу не представилась, — деловито начала она. — Я — Ольга Ивановна Шпрот, глава администрации нашего поселка. И я бы хотела предложить вам должность нашего врача. Я имею для этого все полномочия. Если отдел кадров до сих пор не решил этот вопрос, то я обязана взять все в свои руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.